Однако данный тотальный негативизм сократовской иронии обманчив, поскольку последняя, выступая сложным методологическим приемом, соединяющим в себе пересечения онтологического, гносеологического, этического и эстетического уровней, всегда реализует себя контекстуально, что непременно следует учитывать.

Сократ не постулирует субъективность прямо (в этом его взгляды как раз существенно и отличаются от мировоззрения софистов), но косвенно он, собственно, как раз и подразумевает субъективность, поскольку утверждение «познай самого себя» означало для него «отдели себя от всех других». Мыслитель не берет на себя дерзость прямого провозглашения субъективности, но делает это исподволь, неявно – как раз посредством иронии.

Литература:

1. Лосев, А.Ф. История античной эстетики / А.Ф. Лосев. – М.: АСТ, 2000.
2. Кессиди, Ф.Х. Сократ / Ф.Х. Кессиди. – М.: Мысль, 1976.
3. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975.
4. Платон. Сочинения: в 3-х т. – Т.3. – Ч.1. – М.: Мысль, 1971.
5. Киркегор, С. О понятии иронии [фрагменты] / С. Киркегор // ЛОГОС. Философско-литературный журнал. – № 4. – М., 1993.

«ТРИЛЕММА МЮНХАУЗЕНА» И ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МАТЕМАТИКИ

Н.В. Михайлова, г. Минск, Беларусь

Традиционный распорядок дня знаменитого барона Мюнхаузена начинался с 6 часов утра – это был подъем, но наиболее интересен для его окружения был временной промежуток с 8 часов до 10 часов, который посвящался подвигу. Философы, годами изучающие актуальные проблемы философии современной математики, подвига, конечно, не совершают, но что-то самоотверженное в такой работе, безусловно, есть.

Философская проблема обоснования математики находится в тесной связи с нахождением «предельных основоположений знания», трудности выявления которых порождаются природой обоснования как процедуры поиска «обосновывающего основания», которого в силу многообразия математического знания и теоретической переусложненности современных математических теорий достичь невозможно. Один из возможных путей состоит в обрыве обоснования на каком-то его витке, что вызывает новые философские трудности в конечном поиске обосновывающего основания. В философии науки выделяются две такие возможности. Согласно первой возможности, обрыв обоснования математических теорий философски аргументируется через «самозамыкание обоснования», основанное на

«самоприменимости», что может привести к новым парадоксам. Согласно другой возможности, обрыв обоснования происходит в результате того, что некоторое основание принимается в дальнейшем как необоснуемое. Подчеркивая кажущуюся методологическую безысходность этой ситуации в духе познавательного идеала классической модели обоснования, видный представитель критического рационализма, немецкий философ Ганс Альберт образно назвал ее «трилеммой Мюнхаузена».

Как поясняет А.В. Кезин: «Классический познавательный идеал, по мнению Г. Альберта, встречается с радикальными затруднениями в своих попытках обнаружения "фундамента", "последнего основания" для всей познавательной конструкции. Всякая попытка "абсолютного" обоснования оказывается такой же безнадежной, как и попытка вытащить себя из болота за собственные волосы» [1, с. 315]. Требование такого обоснования ведет, к трем гипотетически возможным, но одинаково философски неприемлемым решениям: во-первых, к бесконечному регрессу, который реально неосуществим; во-вторых, к эпистемологическому кругу, который неэффективен; в-третьих, к остановке процесса обоснования, которая всегда в определенной степени произвольна. Несмотря на драматизм описанной ситуации, в метафоре Мюнхаузена немного сгущены краски, так как, несмотря на утопичность идеи «абсолютной обоснованности», в действительности в математике фиксируется лишь определенный уровень обоснованности, который отвечает вполне реальным запросам развития математической науки на конкретном историческом этапе.

Вера в абсолютное знание или в абсолютное обоснование широко распространена, хотя ничем ни философски, ни методологически она не оправдана. Поэтому в философии науки появилось понятие «когнитивная наука» как реакция на господство позитивистских установок, например, формалистского направления в обосновании математики. Признание современной когнитивной наукой невозможности фундаменталистского обоснования всего математического знания означает, что никакая содержательная математическая теория в эпистемологическом отношении не репрезентирует реальность. Основанием для реального объединения определенных направлений обоснования математики в общую систему – когнитивную систему обоснования – является потенциальная возможность осуществления их философско-методологического синтеза. Но, говоря о когнитивном подходе, следует помнить о характерных для математики доказательствах невозможности чего-либо, поскольку математика – это, пожалуй, единственный предмет, который полностью отдает себе отчет в своих методологических ограничениях. Например, невозможность полной реализации гильбертовой программы обоснования лишь подтверждает философский тезис о том, что нет ничего «абсолютно абсолютного».

Следует отметить, что философско-рефлексивная позиция позволяет избежать тупиков первой и второй возможности трилеммы Мюнхаузена, а именно, регресса в бесконечность и логического круга. Что касается третьего возражения Альберта по поводу прерывания обоснования, то здесь можно сослаться на то обстоятельство, что, например, обоснование значимости математического познания основывается на одновременных когнитивных возможностях реальных субъектов познания. Поэтому это, по словам самого Ганса Альберта, открывает возможность интерпретировать теорию познания как попытку объяснить научное знание «гипотетической апелляцией» к качествам познавательных возможностей человека. В частности, говоря, например, о философских проблемах естествознания в указанном контексте, он считает, что «вопрос об условиях возможности естествознания решается посредством не обоснования, а объяснения, которое, как и всякое объяснение, остается в основном гипотетическим» (цит. по [2, с. 37]). Следовательно, можно заключить, что догматически включенный в классическую методологию науки принцип обоснования подвергается в постнеклассической философии математики критической проверке и рассматривается не как догма, а как возможная гипотеза.

Поиск абсолютной надежности современной математики являлся основной мотивировкой для создания конкурирующих концепций Брауэра и Гильберта. Но можно задать и такой вопрос: нужна ли математике для своего оправдания абсолютная надежность? Поставленный вопрос можно рассматривать и в нефундаменталистском ключе, когда строгость анализа доказательства в обычном смысле состоит в том, что каждый этап доказательства абсолютно ясен каждому. Современная математика имеет очень сложное структурное строение. В математическом доказательстве принято использовать также теоремы, полученные ранее, в виде готовых формулировок без соответствующих доказательств, поскольку их проверка требует чрезвычайно большого времени и терпения. Но, будет ли такое рассуждение убедительным доказательством для тех, кто незнаком с доказательствами используемых теорем? Трудно однозначно ответить на этот вопрос, поскольку исследование погружено еще в социокультурный контекст. Научное математическое знание – это развивающаяся система, поэтому изучение его эволюции требует оценки места и роли науки в каждую эпоху развития общества и соотношения изменения в способах обоснования нового знания с изменениями функций этого знания.

Для философского анализа проблемы обоснования нового знания важно зафиксировать, что системный подход к обоснованию современной математики, как и любая другая развитая конкретно-научная методология, опирается на совокупность направлений обоснования и, кроме того, дополняется новыми философскими идеями. Отличительная особенность системного подхода состоит в том, что при системном рассуждении

математические теории рассматриваются как «самосовершенствующиеся системы», не предполагающие осуществления той или иной редукции. По мнению философа математики В.Я. Перминова: «Системный подход, таким образом, не требует выделения какой-то части математики как более надежной или абсолютно надежной и, тем самым, он свободен от субъективизма, неизбежно связанного с таким выделением» [3, с. 278]. Этот подход по существу элиминирует аргументы трилеммы Мюнхаузена, сформулированной в рамках классической программы обоснования и предполагающей гипотетичность всякого рода обоснования.

Так как философы ограничены знанием только отдельных фрагментов математики, они вынуждены говорить о принципиальной относительности любого описания системы обоснования математики. Хотя релятивизм не является основной тенденцией развития современной науки, он сейчас настойчиво проявляет себя как неотъемлемое свойство математического познания. Однако следует подчеркнуть, что в качестве специфической черты неклассической математики релятивизм, поддерживающий свободу выбора, не может быть отождествлен с субъективизмом, поскольку он потенциально опирается на объективные критерии познавательных норм и практическую состоятельность математического познания.

Литература:

1. Кезин, А.В. Идеалы научности / А.В. Кезин // Философия и методология науки: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Шишков, И.З. Кант и критицистская традиция / И.З. Шишков // Все люди – философы / К.Р. Поппер. — М.: Едиториал УРСС, 2003.
3. Перминов, В.Я. Философия и основания математики / В.Я. Перминов. – М.: Прогресс–Традиция, 2001.

АКМЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н.И. Мицкевич, г. Минск, Беларусь

Современная система деятельности учебных заведений по подготовке специалистов для работы в социальной сфере берет своё начало с середины 90-х годов XX столетия. Так как эта система за истекшие годы прошла стадию своего становления, то сегодня можно анализировать проблемы, которые в ней обозначились как с теоретических позиций, так и с позиций реальной практики.

Особую сложность в деятельности организаторов профессиональной подготовки специалистов социальной сферы представляет реализация коррекционной функции. Если под коррекцией понимать «исправление в